

Litera

Правильная ссылка на статью:

Карташева А.О., Кихней Л.Г., Осипова О.И. — К коммуникативным стратегиям русского модернизма: стихотворная переписка В. Брюсова и А. Белого // Litera. – 2023. – № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.7.43618
EDN: TQFBBS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43618

К коммуникативным стратегиям русского модернизма: стихотворная переписка В. Брюсова и А. Белого

Карташева Анна Олеговна

аспирант, кафедра Истории журналистики и литературы, Московский университет имени
А.С.Грибоедова

111024, Россия, г. Москва, ул. Шоссе Энтузиастов, 21

✉ Anna.kartasheva@internet.ru

Кихней Любовь Геннадьевна

доктор филологических наук

профессор, кафедра истории журналистики и литературы, Московский университет им. А. С.
Грибоедова

111024, Россия, Москва, г. Москва, шоссе Энтузиастов, 21

✉ lgkihney@yandex.ru

Осипова Ольга Ивановна

ORCID: 0000-0001-6783-9378

доктор филологических наук

доцент, кафедра русского и иностранных языков, Дальневосточный государственный технический
рыбохозяйственный университет

690087, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Луговая, 52 б, оф. 320

✉ osipova.oi@dgtru.ru

[Статья из рубрики "Сравнительно-историческое литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.7.43618

EDN:

TQFBBS

Дата направления статьи в редакцию:

21-07-2023

Аннотация: Объектом настоящей статьи является стихотворная переписка Валерия

Брюсова и Андрея Белого 1900-х годов. Анализ позволил сделать ряд выводов о коммуникативных стратегиях русского модернизма. Во-первых, в структуре переписки вычленяется доминирующая жанровая установка на диалог с адресатом, позволяющая идентифицировать эти стихотворения как послания. Это, с одной стороны, дает возможность вписать послания Брюсова и Белого в общесимволистский поэтологическо-коммуникативный контекст начала XX века, когда этот жанр был своего рода мейнстримом. А с другой стороны, анализ жанровых доминант позволяет обозначить их жанровое обновление, связанное с образованием оригинального метаструктурного цикла, напоминающего «роман в письмах», героями которых выступают Брюсов и Белый, одновременно соединяющие в себе роли автора и адресата. Во-вторых, в заголовках рассматриваемых стихотворений («Бальдеру Локи», «Бальдеру II», «Старинному врагу», «Маг») выявляются мифологические коды, устанавливаются генетические связи с христианскими апокрифами и скандинавскими преданиями, в системе которых авторское «я» и «ты» адресата ассоциируются с образами светлых и темных сил, укорененных в религиозной и языческой традициях. В-третьих, с помощью биографического метода устанавливаются параллели лирических сюжетов стихотворений с жизненными и творческими взаимоотношениями поэтов. В итоге, стихотворная переписка мэтров символизма трактуется как мировоззренческая дуэль, имплицитно реализующая драматические ситуации личных и «цеховых» отношений, с четким разделением эстетических и этических ролей. Эти роли структурируют сюжет эпистолярного «романа», перипетии которого сводятся к бинарным оппозициям «света» и «мрака», небесного и земного, божественного и демонического начал. Однако одновременно этот обмен посланиями предстает как диалог о роли поэта в символистском дискурсе, диалог, отражающий разные векторы творческих устремлений символистов и, следовательно, амбивалентные тенденции течения как к консолидации, так и к размежеванию.

Ключевые слова:

Валерий Брюсов, Андрей Белый, заголовочный комплекс, послание, жанр, стихотворная переписка, автор, адресат, символизм, миф

В атмосфере литературной борьбы Серебряного века особо возрастает интерес символистов к жанру послания. Причем послания символистов нередко образовывали целые циклы, обращенные как к конкретному поэту, так и к группе единомышленников или оппонентов. Это циклы «Оды и послания», «Близким», «Послания» В. Брюсова; цикл «Послания» А. Блока; циклы А. Белого, обращенные Брюсову; а также циклы Вяч. Иванова - «Современники», «Товарищам», «А. Блоку», «Лири и Ось» и ряд других. Сам факт циклизации посланий свидетельствует о том, что поэты сознательно прибегали к этому жанру. Циклы тех или иных посланий являлись новыми жанровыми образованиями. Они, как правило, были связаны единой авторской установкой, сквозными мотивами и обладали определенной эстетической цельностью и законченностью.

Своеобразие жанра послания у символистов можно выявить при рассмотрении его в контексте их литературного быта (личного общения, частной переписки). Для символистов характерны «панэстетизм» мироощущения, представления о «теургической» миссии искусства [\[1, 241-242\]](#). «Литературная» модель поведения и поведение поэта в жизни рассматривались как идентичные понятия, грань между искусством и жизнью стиралась: реальный поступок трактовался как факт искусства, а «художественное» поведение – как часть личной биографии. Если романтиками прошлого века искусство

воспринималось все-таки отстраненно (они не отождествляли его с реальным бытом), то для символистов оно было неотделимым жизненным элементом и стало естественной формой и творческого, и личностного общения.

Послание, как средство поэтической коммуникации символистов (в тех случаях, когда оно предполагало конкретного автора и адресата), распадается на несколько подтипов, в зависимости от характера диалогического контакта автора и адресата (конституирующих жанр), от ролей, им приписываемых, от конкретной целевой установки стихотворного письма. В посланиях варьируется три типа диалогических отношений между автором и индивидуальным адресатом. *Первый тип* предполагает монологическое раскрытие авторского «я» (автохарактеристика, декларация взглядов). Адресат здесь образно не воплощен, оставаясь вне рамок послания, он служит лишь объектом авторского воздействия. При *втором типе* отношений, напротив, главный акцент делается на образном раскрытии адресата, на комментировании его жизненной и творческой позиции. Автор играет здесь роль «повествователя». *Третий тип* основан на диалогическом контакте автора и адресата уже в рамках послания. Поэтому здесь явлены как автор, так и адресат (в образном отражении или в изложении их точек зрения), а художественная идея послания воплощается через сопряжение или противопоставление этих двух начал.

Знаменательно, что для Валерия Брюсова в период становления символизма был характерен первый тип отношений. Он нередко позиционировал адресата как объект воздействия, внушения (вспомним его послание «Юному поэту») или «слушателя», которому он излагает свою философию жизни или эстетические принципы. Ср. послание «З.Н. Гиппиус» (1901):

Неколебимой истине

Не верю я давно,

И все моря, все пристани

Люблю, люблю равно.

Хочу, чтоб всюду плавала

Свободная ладья,

И Господа и Дьявола

Хочу прославить я...

[\[9, 354—355\]](#)

Разумеется, Брюсов учитывает и позицию адресата. Более того: подобные послания, как правило, включены в контекст предыдущих встреч или переписки обоих художников, что часто отражается в подтексте послания (понятном лишь им двоим). Так, к примеру, процитированное послание было откликом на один из разговоров Брюсова и Гиппиус, в котором затрагивались темы религии и искусства. Кроме того, оно, — как вспоминала З.Н. Гиппиус, — явилось разрешением и одной из частных задач версификации, которой коснулись они в этом разговоре (речь зашла о том, как трудно подобрать рифму к слову «истина») [\[9, 617-619\]](#).

Его послания при их внешнем протеизме часто имеют назидательную направленность, Брюсов ставит задачу убедить адресата в правоте своих суждений, опровергнуть точку

зрения оппонента.

Коммуникативная установка посланий Андрея Белого резко отличается и от этико-эстетического протезизма и «учительной» интенции посланий В. Брюсова. Его послания можно отнести к третьему типу (в рамках предложенной классификации). Белый выступает в стихах, обращенных к своим литературным соратникам, как носитель четко обозначенной жизненной, идеологической, философской позиции, глубоко убежденный в ее абсолютной значимости. Причем он отождествляет свою позицию с самыми высшими ценностями бытия, т. е. выступает как прозелит и проповедник определенного учения. В аргонавтический период у Белого гораздо сильнее выражена коммуникативная интенция младосимволизма. Если ранний Блок дает воплощение идеала соловьевства («Стихи о Прекрасной Даме»), то Андрей Белый дает платформу: он поворачивает соловьевскую концепцию не как учение об идеале, замкнутое в самом себе, а как житнетворческую идею, способную сплотить людей, жаждущих «подвига». Стремясь связать единой платформой больших художников, он обращается с посланиями к К. Бальмонту, В. Брюсову, А. Блоку, С. Соловьеву, Эллису. В этих обращениях Белый старается облечь свою проповедь в привлекательные для адресатов эстетические «одежды», давая портретные характеристики корреспондентов и прибегая обильным аллюзиям из их творчества.

Подобная диалогическая позиция гораздо более уязвима чем другие, прежде всего потому, что она не учитывает существования чужих сознаний с иными мировоззренческими ценностями. Кружковое и одновременно эгоцентрическое сознание автора стремится навязать собственные представления собеседнику, поставить его перед выбором: «свой или чужой».

Вполне естественно, что столкновение с другим лирико-философским мироощущением оборачивается для него глубочайшим кризисом.

С этой точки зрения интересно рассмотреть стихотворную переписку Валерия Брюсова и Андрея Белого. Содержательной доминантой этой переписки была идея связи, по сути дела, нерасчлененности жизненного и творческого поведения художника. Исследователями не раз отмечалось стремление к созданию смыслового центра вокруг творчества, эта особенность определяется особыми формами самовыражения и самосознания, вбирающих в сферу влияния нравственно-эстетический, социально-философский, религиозно-мифологический аспекты. В этом смысле коммуникативные стратегии авторов символизма направлены на связь между текстами, сложную ассоциативность, символичность и метафоричность.

«Умственный поединок» между Брюсовым и Белым, их идеологическое и философско-этическое противостояние, «текущая диалектика» сложных взаимоотношений и взаимооценок двух крупных художников, не укладывающихся в узкие рамки однозначных определений, выразились с наибольшей отчетливостью именно в посланиях, которыми обменивались поэты. Современники Серебряного века отмечали, что для Брюсова это была прежде всего игра в мага: «Других символистов тянуло к мистике, – Брюсов, для знания, забавы или из любопытства мог заниматься «оккультными науками», Кабалой, Черной мессой – но от мистики был бесконечно далек» [\[2, 231\]](#).

В посланиях к Андрею Белому Брюсов предстает в личине «мага», «демона», что характерно для стиля жизненных отношений поэтов в 1903-1904 годах и частично было инспирировано поэтическими портретами и характеристиками, данными Брюсову Белым в

заглавиях и в самих текстах стихотворений, к нему обращенных. Важным моментом для понимания коммуникативных интенций авторов является и то, что параллельно с текстами поэтическими можно найти интонационно похожие высказывания и в дневниковых записях поэтов, и в их воспоминаниях, например, у Белого: «С Брюсовым устанавливаются холодные, жуткие отношения, кроме того: я чувствую, что какая-то дверь, доселе отделявшая меня от преисподней – распахнулась: точно между мной и адом образовался коридор...» [\[3, 102\]\[1\]](#). Брюсов тех лет воспринимается Белым как «противленец, союзник, враг, друг, символист» [\[5, 473\]](#). Сам же Брюсов о своих отношениях с А. Белым в 1904-1905 гг. пишет: «Связь оставалась только с Белым, но скорее связь двух врагов» [\[5, 136\]](#).

Брюсов тех лет в восприятии современников был поэтом-«магом», что в известной степени вызвано увлечением Брюсова в те годы спиритизмом, «оккультными науками», интересом ко всему тайному, «инфернальному». И Белый своими посланиями способствовал канонизации этой «личины» художника.

Так, в 1903 г. Белый посвятил Брюсову послание (в альманахе «Гриф») под заглавием «Валерию Брюсову», вошедшее в сборник «Золото в лазури» под названием «Маг»:

В венце огня, над царством скуки,
над временем вознесены,—
застывший маг, сложивший руки,
пророк безвременной весны.

[\[6, 117\]](#)

В письме к Э.К. Метнеру от 25 июля 1903 г. Андрей Белый дает обоснование своей поэтической интерпретации «мэтра»: «Среди официальных выразителей магизма, с сознательным актерством ретуширующих себя перед обществом, пальма первенства принадлежит, конечно, Брюсову, который «играет роль» с чувством, с пафосом, исполняя свою миссию (миссию показного мага) перед целой Россией, и, конечно, заслуживает уважение и признание за это, ибо он же – громоотвод, принимающий львиную долю грязи, оскорблений на себя, приучающий нашу мужиковато удивляющуюся толпу не удивляться. Не знаю, понятно ли характеризуют его, но для меня понятен и по-своему близок *an sich* Брюсов. Вот почему в своем стихотворении я и постарался дать изображение идей и прототипа Брюсова» [\[7, 332-333\]](#). Таким образом, для Белого эта «маска» Брюсова имела и общественное значение [\[8, 85-87\]](#).

Первое послание Брюсова «Андрею Белому» (1903), вошедшее впоследствии в сборник «Stephanos», явилось откликом на «Золото в лазури» Белого. В стихотворении, как указывают комментаторы переписки Брюсова и Белого, «в первый раз намечена оппозиция, приобретающая определенность в последующих личных отношениях поэтов» [\[7, 334\]](#) и наиболее отчетливо отразившаяся в их дальнейшем обмене посланиями.

Поэтические образы послания вступают в интертекстуальные связи со стихотворениями Белого из сборника «Золото в лазури» («Маг» с посвящением «В.Я. Брюсову», «На горах», «Гном» и др.), в нем подхватываются, продолжают мотивы этих стихотворений. Брюсов, заимствуя у Белого некоторые образы, характеризующие его самого, переадресовывает их Белому же. Так происходит, например, в стихотворении «Маг».

Забегаая вперед, отметим, что трактовка образа Брюсова как мага получит дальнейшее развитие и обоснование в последующих посланиях Белого, написанных в 1904 году.

Белый называет Брюсова пророком, «вознесенным над временем» («пророк безвременной весны»), стоящим в «холодной вышине», «на утесе». Брюсов же в своем послании прибегает к инверсии образной системы стихотворения Белого. «Мутные выси», «внемирность», «пророчество» — все это атрибуты, взятые у Белого и относящиеся к Брюсову, перенесены в брюсовское послание и являются уже атрибутами Белого. В этом своеобразный завуалированный полемический прием, который часто использовал Брюсов в идейно-литературных спорах с Белым. Исследователи отмечают, что разность взглядов на искусство сознавалась поэтами всегда, но это не мешало им работать в «Весах», позиционируя журнал как рупор нового искусства, и только после 1904 года начинается сознательное заострение противоречий, усиленное еще и личными перипетиями жизни поэтов, оказавшимися возлюбленными одной женщины.

Поэтическая коммуникация мэтров символизма предстает как своего рода эпистолярный «роман», построенный на одних и тех же ключевых образах, отраженных в заголовочных комплексах стихотворений.

Первое брюсовское послание «Андрею Белому» (1903) можно рассматривать как завязку и – одновременно – как пролог этого романа в письмах. «Одиночество в бездне» («как глухо в безднах, где одиночество» [\[9, 353\]](#)) – символическое отражение душевного состояния Брюсова 1903-1904 гг. Мотив «одиночества» в послании предваряет ретроспективный мотив «веры» («Я многим верил до иступленности» [\[9, 353\]](#)). Темы одиночества, веры и разуверения, духовного перепутья звучат в лирике Брюсова 1900-1903 гг. («Дон Жуан», 1900; «К портрету М. Ю. Лермонтова», 1900; «Мечтание», 1900-1901; «Блудный сын», 1903 и др.). Но там эта тема разворачивается опосредованно, через образы Лермонтова, евангельского блудного сына, Дон Жуана и т. д.

У Брюсова, по воспоминаниям Белого, до «Urbi et Orbi» не было веры в то, что кто-то из символистов способен на подвиг, а потому не было веры в саму идею житнетворчества. Свидетельство тому находим в комментарии Белого к письму Брюсова после 12 августа 1904 г., отраженном в его мемуарах: «Был осознанным противоречием он, Брюсов, с откровенным отказом от выхода, не находя его, но допуская, что может быть, выход есть коли так, – пусть покажут ему: ощупает ею, деловито оценит» [\[3, 151\]](#). Отсюда культивируемый им лозунг «чистого искусства»: «Только литература!» Послание «Андрею Белому» раскрывает психологическую подоплеку той эстетической и жизненной концепции Брюсова, суть которой он выразил строками в «абстрактном» послании «К поэту»: «Быть может все в жизни лишь средство / Для ярко-певучих стихов» [\[9, 447\]](#). В этом контексте становится понятным, почему Брюсов в начале 1900-х годов с одинаковым пылом «прославляет» (т. е. «вылепляет в слове») «и господа и дьявола». Во многом подобный «панэстетизм» определяется особенностями сформированного воспитанием мировоззрения поэта, о котором он говорит в своих мемуарах: «От сказок и всякой «чертовщины» меня усердно оберегали. Зато об идеях Дарвина и о принципах материализма я узнал раньше, чем научился умножению. Нечего и говорить, что о религии в нашем доме и помину не было: вера в Бога мне казалась таким же предрассудком, как и вера в домовых и русалок» [\[10, 66\]](#).

Своим первым стихотворным сборником «Золото в лазури» Белый заявил об ином жизнеотношении, связанном с предчувствием больших социальных перемен и с надеждой на грядущее обновление мира. В сборнике в образах зари, неба, солнца и т.

п. отразились мистические чаяния символистов второй волны, аргонатов, которых отличали, как пишет Т. Хмельницкая, «коллективные поиски идеальной свободы и духовного очищения жизни, иллюзорное жизнестроительство, оторванное от конкретной социальной и народной почвы» [11, 16]. И в этом контексте послание Брюсова явилось как бы «испытанием» Белого, истинности его прозрений, крепости его веры. Послание разворачивается в трех временных планах – прошлое, настоящее и будущее. В прошлом – вера лирического героя-автора «многим», стоившая ему горьких разочарований («...бред влюбленности, / Огнем сожженный залитый кровью» [9, 353]). В настоящем – путь души от одиночества разуверения к надежде на новую веру:

Как глухо в безднах, где одиночество,

Где замер сумрак молочно-сизый...

Но снова голос! зовут пророчества!

На мутных высях чернеют ризы!

[9, 353]

Через реминисценцию «чернеют ризы» (заимствованную из стихотворения Белого «Маг»: Ср.: Я в свисте временных потоков / Мой < ...> плащ мятежно рвущих [6, 117].) Брюсов дает мифологизированный портрет Белого.

С самого начала Брюсовым композиционно «прочерчена» вертикаль: Белый – «на мутных высях», автор – «в безднах». В послании разворачивается диалог, концептуально важный для Брюсова. На вопрос, автора: «Брат, что ты видишь?» – следует ответ, построенный на интертекстуальном использовании ключевых образов из «Золота в лазури»:

«В сиянии небо – вино и золото! –

Как ярко дали! Как вечер пышен!»

[9, 353]

Смысл этого «ответа» – в причастности адресата к мировой гармонии, открывающейся ему через различные «световые» символы, в обнаружении их каких-то новых перспектив. Далее развивается мотив «новой» веры («отдавшись снова») – как восхождение из бездны «неверия и одиночества» на «кручи», откуда доносится «внемирный» голос лирического героя «Золота в лазури». Но символическое восхождение – новая вера в идеалы Белого – омрачена тенью подозрения, недоверия к адресату и к его пророчествам. Это вызвано отчасти и романтической иронией автора сборника «Золото в лазури», раздвоенностью образного строя стихов Белого, для которого «одновременно предстает и уродливо-гротескный облик явления, и его «светлая суть».

В послании Брюсова ирония представлена опять же через аллюзии (но уже другого порядка) из сборника «Золото в лазури»:

Мне режут руки цветы колючие,

Я слышу хохот подземных гномов.

[9, 353]

Таким образом, автор воплощает в художественной ткани послания сопутствующие мистическим прозрениям Белого мотивы неверия, иронии и даже глумления над «святынями», мотивируя ими собственный скепсис и сомнения.

Отсюда и парадоксальность загадочных, на первый взгляд, финальных строк послания, звучащих как угроза:

Я многим верил. Я проклял многое,

Я мстил неверным в свой час кинжалом.

[\[9, 353\]](#)

Образ автора демонизирован в последних строках, это — герой-мститель. Таким образом, духовному «я» автора свойственно переплетение веры-сомнения в «прозрения» Белого, а также тайное подозрение в отступничестве Белого от собственных идеалов («я мстил неверным»). Сам Белый воспринимал эти стихи следующим образом: «В стихах, посвященных мне, он <т. е. Брюсов – Л. К., А.К., О.О.> угрожает мне: если я приму «сребреники», – то кинжал ожидает меня» [\[3, 147\]](#). Значит Белый соотносил это послание с евангельской легендой о предательстве Иуды (новозаветные аллюзии такого же порядка будут и в брюсовском послании Белому 1909 г.).

В свете этого замечание комментаторов переписки Белого и Брюсова о том, что «Белый воспринимал это стихотворение исключительно в личном плане, связывая его с обострением отношений между ним, Брюсовым и Н.И. Петровской [см. подр.: 7, 334], представляется излишне категоричным. Первое брюсовское послание Белому выполнено (и воспринимается) в философско-мировоззренческом ключе, а личный, жизненно-конкретный план отношений поэтов более отчетливо воплотился в посланиях Брюсова «Бальдеру Локи» (1904), «Бальдеру II» (1905) и в ответе Белого «Старинному врагу» (1904).

В стихотворении «Бальдеру Локи» в мифологизированном сюжете отражено реальное жизненное противостояние и идейно-философское противоборство Брюсова и Белого. Бальдер и Локи, как известно, герои скандинавских мифов. Бальдер – юный сын Одина, «светлый» бог; в мифах он играл роль пассивной жертвы. Локи отмечен чертами демонизма, стихийности; в мифах для него характерна роль ссорящего богов [см.: 12, 81-82]. В послании Белый – Бальдер наделен цельностью, лучезарностью, он – носитель светлых начал мира, приобщен к мировой гармонии:

Светлый Бальдер! мне навстречу

Ты, как солнце, взносишь лик.

Чем лучам твоим отвечу?

Опаленный, я поник.

Я взбегу к снегам, на кручи:

Ты смеешься с высоты!

Я взнесусь багряной тучей:

Как звезда сияешь ты!

[\[9, 388\]](#)

В брюсовском восприятии адресата сказалась концепция «света» Белого, восходящая к философии Вл. Соловьева и отразившаяся в «Золоте в лазури». Брюсов же, напротив, в этом послании воплощает «темное начало» («Сумрак, сумрак – за меня»). Он как бы надевает демоническую маску и завершает стихотворение угрозами Бальдеру, пророчеством о его гибели – т. е. гибели светлого начала мира, «небесных сил», и о победе тьмы:

Но мне явлен Нертой мудрой

Призрак будущих времен,

На тебя, о златокудрый,

Лук волшебный наведен.

<...>

Я слепцу вручу стрелу, —

Вскрикнешь ты от жгучей боли,

Вдруг повергнутый во мглу!

[\[9, 389\]](#)

В свете своих философских построений Белый воспринял послание Брюсова как нападение на свои жизненные устои. И отвечает ему стихотворным посланием «Старинному врагу» (1904), утверждая победу «света» над «тьмой», своего мироощущения над брюсовским.

Ты над ущельем, демон горный,

Взмахнул крылом и застил свет.

И в туче черной, враг упорный,

Стоял. Я знал: пощады нет —

И длань воздел — и облак белый

В лазурь меня — в лазурь унес...

Опять в эфирах, вольный, смелый.

Омытый ласковостью рос.

<...>

Ты пылью встал. Но пыль, но копоть

Спалит огонь, рассеет гром.

Нет, не взлетишь: бесцельно хлопать

Своим растрепанным крылом,

Моя броня горит пожаром.

Копье мне – молнья. Солнце – щит.

Не приближайся: в гневе яром

Тебя гроза испепелит.

[\[6, 465\]](#)

Белый придавал этому посланию мистическое, «заклинательное» значение; его отправление Брюсову должно было отвести от него «дьявольское» наваждение адресата: «Пока писал – чувствовал: через меня пробегает нездешняя сила; и – знал: на клочке посылая заслуженный неотвратимый удар (прямо в грудь), отучающий Брюсова от черной магии – раз навсегда, грохотала во мне сила света» [\[4, 387\]](#).

В посланиях поэтов разыгрывается психологический поединок. Такая установка со стороны Брюсова была исполнением взятой на себя роли. Но она имела под собою и глубокое внутреннее противостояние всей его мировоззренческой системы этическим и эстетическим взглядам А. Белого. Эта стихотворная переписка отразила не только мучительную личную борьбу Белого с Брюсовым, но и противостояние младосимволистов декаденству «старших», представление о котором связывалось у Белого с именем Брюсова. Подтверждение этому — письмо Брюсову (около 28 сентября 1905 г.), в котором Белый формулирует отличия декадентов от символистов: «Разве мое присоединение к вам было основано на литературном знакомстве, а не на общности в деятельной работе творчества — не форм искусства, а форм жизни (между прочим искусства). <...> Оба <т. е. Брюсов и Бальмонт – Л. К., А. К., О.О.>вы догматики. Оба вы еще в старом. К «новому» вы относитесь одними знаками «минус». <...> Я не с вами. <...> Может быть, вы улыбнетесь наивности моих слов: искать неподдельности, общения, души — это старо, скучно, не дельно: но я заявляю, я хочу только человеческого, а если и говорю о несказанном, то уповаю его найти в сказанном. Я ищу символов ... вы разлагаете символ. Вы не символисты. Я человек. Человека во мне попрали в вашем круге, превратили в «арабеску». <...> Извне нас принимают за одно. Я заявляю, что нет у меня с вами ничего общего» [\[7, 387-389\]](#). Как видим, здесь намечается важная особенность коммуникативной стратегии модернизма: судьба направления решается не только в манифестах старших и младших символистов, не только в поэтической дуэли, но и на страницах частной переписки, что определяет значимость роли творца как вершителя судьбы эстетического направления.

Эту своеобразную духовную дуэль поэтов завершило послание Брюсова «Бальдеру II» (с многозначительным эпиграфом из З.Н. Гиппиус: «Тебя приветствую, мое поражение»), в сюжете которого ретроспективно отражен и личный конфликт поэтов, сложные, запутанные отношения между Брюсовым, Белым и Н. Петровской:

Кто победил из нас, – не знаю!

Должно быть, ты, сын света, ты!

И я, покорствуя встречаю

Все безнадежные мечты.

Своим и я отметил знаком

Ту, за кого воздвигся бой,

Ей на душу упал я мраком
И в бездны ринул за собой.
Но в самом ужасе падений,
На дне отчаянья и тьмы,
Твой дальний луч рассеял тени,
И в небеса взглянули мы! ...

[\[7, 338\]](#)

Каждый из корреспондентов связывает свой образ (и образ адресата) с некими сущностными чертами мироздания (Белый – воплощение светлого начала мира, Брюсов – темного). Брюсов как бы примеряет маску горного демона, мага, который «испытывает» своего адресата. Поскольку стихотворение не было опубликовано, то есть предположение, что Белый не знал о нем.

В феврале 1904 г. А. Белый пишет ряд стихотворений, упоминая позднее из которых в «Материале к биографии», он отмечал влияние брюсовской поэтики на свое творчество: «Я пишу несколько отрывков стихотворных, посвященных Брюсову, и с удивлением вижу по ним, что от ритмов «Золота в лазури» и следа не осталось; влияние поэзии Брюсова на себе я ощущаю болезненно; в этом влиянии точно сламывается во мне что-то; февраль могу назвать перегоранием «Золота в лазури» в «Пепел» [\[7, 334-335\]](#). Новое стихотворение 1908 г. «Маг» (ср. одноименным посланием 1904 года) ярко отражает новое восприятие Белым магического облика Брюсова.

Упорный маг, постигший числа
И звезд магический узор,
Ты – вот: над взором тьма нависла ...
Тяжелый, обожженный взор.
<...>

Ты знаешь: мир, судеб развязка,
Течение быстрое годин –
Лишь снов твоих пустая пляска;
Но в мире – ты, и ты – один...

[\[6, 282-283\]](#)

Как бы итогом семилетней полемики писателей явились последнее послание В. Брюсова Белому (1909) и ответ на него А. Белого. В брюсовском послании развернута поэтическая характеристика отношений поэтов, которые расцениваются как «путь к высотам». В этом послании Брюсов анализирует их тайную вражду и тайную близость:

Нас не призвал посланник божий
В свой час, как братьев, от сетей.

И долго были непохожи

Изгибы наших двух путей

[\[9, 540\]](#)

Сюжет стихотворения построен на евангельских аллюзиях. Ср.: «Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел Двух братьев, Симона, названного Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море; ибо они были рыболовы, и говорил им: идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков» (Мтф. IV: 18-19).

Брюсов считает, что они с Белым, изначально – братья, «апостолы новой веры», но как бы недовоплотившиеся («...не призвал посланник божий»). Ключ к этому стихотворению – в письме Брюсова к Андрею Белому (после 12 августа 1904 г.). В этом письме Брюсов поднимает вопрос об общественной значимости искусства, о назначении современного художника: «Нет в нас достаточной воли для подвига. То, чего мы все жаждем, есть подвиг, и никто из нас на него не отваживается. Отсюда все. Наш идеал – подвижничество, но мы робко отступаем перед ним и сами сознаем свою измену, и это сознание в тысячах разных форм и мстит нам. Измена евангельскому завету: «Кто возлюбит мать и отца больше меня...» <...> А мы, пришедшие для подвига, мы, ищущие восторга, покорно остаемся в четырех условиях «светской жизни ... и покорно повторяем слова, утратившие и первичный и даже свой вторичный смысл. Мы привычно лжем себе и другим. И вдруг удивляемся, что не дано нам чудотворить, не дано нам просиять! <...> Да, я знаю, наступит иная жизнь для людей... – жизнь, когда все будет «восторгом и иступлением». <...> Нам не вместить сейчас всей этой полноты. Но мы можем провидеть ее, можем принять ее в себя, насколько в силах, – и не хотим. <...> Мы не смеем. Справедливо, чтобы мы несли и казнь» [\[7, 378-379\]](#).

Финальное послание В. Брюсова «Андрею Белому», с одной стороны, дает ретроспективную характеристику прежнего мироощущения автора, с другой – анализирует «изгибы двух путей», – своего пути и пути адресата. Он отмечает их уже изначально несходство; «И долго были непохожи / Изгибы наших двух путей» [\[9, 540\]](#). Но, считает Брюсов, они, хотя и разными путями, но оба шли «на высоты»:

Ты был безумием и верой

На высь Фавора возведен;

Как Данте, яростной пантерой

Был загнан я на горный склон.

[\[9, 540\]](#)

В ответном стихотворении «Встреча», обращенном Брюсову, Белый также символически изображает их былую борьбу и то положительное, что они оба из этой борьбы вынесли:

«Высоких искусов науку

И марева пустынных скал

Мы поняли», — ты мне сказал:

Братоубийственную руку

Я радостно к груди прижал.

<...>

Нам с высей не идти назад:

Мы смотрим на одни вершины.

[\[6, 285\]](#)

Примирение в дуэли настало, неразрывная связь двух поэтов, их поэтический диалог сгенерировали новый диалогический жанр поэтического послания, вбирающего совокупность окололитературных, биографических смыслов, мифологических, архетипических коннотаций.

Таким образом, коммуникативная стратегия поэтической переписки Брюсова и Белого опирается на ряд аспектов. Прежде всего очевидно философско-эстетическое противостояние двух поэтов. В брюсовских «нападениях» на жизненную позицию Белого сказалось его глубокое неверие в теургическую миссию младосимволистов, «пророчества» которых объективно ложны, поскольку в жизнь они так и не воплощаются. Но если Белый, судя по общей тональности его посланий, воспринимал эти эпистолярные пассажи серьезно – в духе своих эсхатологических построений, то в посланиях Брюсова проглядывает некоторый налет литературно-психологической игры. Особенно заметна эта игра в момент работы над романом «Огненный ангел», когда, по свидетельствам современников, автор ставил психологические эксперименты над участниками, проверяя жизненность текста жизнью. Впоследствии Белый скажет, что только после прочтения романа понял ту игру, в которой ему против воли была отведена главная роль, и осознал те события, героем которых оказался. Установка символистского искусства на стирание границ между искусством и жизнью как никогда ярко отразилась в поэтической коммуникации двух поэтов.

Установка на диалог поднимает не только биографический и метафизический пласт «романа в стихах», но и выявляет уровень ассоциаций и символов, дешифровка которых позволяет увидеть скрытые художественные смыслы. Мифологическая подоплека посланий определяется эсхатологическим мифом об убийстве Бальдера. При этом оба поэта примеряют на себя маски богов, актуализируя с некоторыми изменениями и их функции. Маска Локи-трикстера, не имеющий четких нравственных представлений и границ, хорошо легла на лик Брюсова, современники которого отмечали его темное, демоническое «я» – имидж столь трепетно им поддерживаемый. Кстати, также как и Локи, проделки которого становились катализатором для действий богов Асгарда, Брюсов в литературной жизни Москвы играл активную роль. Бальдер как образ, воплощающий чистоту и свет, подходил А. Белому (здесь обыгрывается и псевдоним поэта и его философские и поэтические искания). Сохраняя традиционную интерпретацию героев скандинавской мифологии, наделяя свой литературный образ чертами богов, поэты воспроизводят архетипический конфликт добра и зла, выраженный в противостоянии темного и светлого начал.

Стратегически однородными произведения поэтов оказываются в силу доминирующей жанровой установки на диалог с адресатом, позволяющей идентифицировать эти стихотворения как послания.

Особо отметим, что философско-эстетическими установками определяется выбор амплуа автора и адресата (брата, врага, теурга, пророка, мага, трикстера, посланца неба или

демона), которые индексируются в заголовочных комплексах посланий и несут в себе не только эстетический, но и некий провиденциально-магический заряд, реализующийся в моделях поведения и творчестве обоих поэтов.

Главным при этом является принципиальная готовность признать за собеседником право на особую роль, находящуюся в определенном ценностном отношении со своей собственной ролью. Существенным оказывается также и то, что сама система ролей, почти всегда имеющих мифологическую проекцию, не задана предварительно. Коррелятивный выбор ролей создается непосредственно в процессе эпистолярного общения, рассчитанного на адресата, предрасположенного к подобной «игре». При этом заголовочный комплекс приобретает функцию символично-мифологической свертки, которая задает ассоциативный ряд для интерпретации текстов. Причем с типом заглавия (именного, ориентированного на биографическую конкретику или же мифологизированного, ориентированного на ту или иную культурную роль) соотносится функциональное назначение письма в стихах. Символистские послания могли брать на себя функции отражения жизненно-биографических отношений, эстетического манифеста, лирического портрета, литературной рецензии, творческой и метафизической полемики.

Библиография

1. Круглова Т.С. Коммуникативно-эстетическая функция стихотворных обращений в дискурсе русского символизма // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник. Вып. 8. Симферополь: Крымский Архив, 2010. С. 241-250.
2. Валентинов Н. Два года с символистами. М.: Издательский дом XXI век; Согласие, 2000.
3. Белый А. Начало века. М.: Худож. лит., 1990. 704 с.
4. Белый А. Начало века. Берлинская редакция (1923). М.: Наука, 2014. 1064 с.
5. Брюсов В. Дневники 1891 – 1910. М: Издание М. и С. Сабашниковых, 1927. 215 с.
6. Белый А. Стихотворения и поэмы. 2-е изд. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. 668 с.
7. Брюсов В. Переписка с Андреем Белым. 1902-1912 / Вступ. ст. и публ. С.С. Гречишкина и А.В. Лаврова // Литературное наследство Т. 85: Валерий Брюсов. М.: Наука, 1976. С. 326-427.
8. Круглова Т.С. Коммуникативные установки Андрея Белого в лирических обращениях к поэтам-современникам // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2010. № 3 (15). С. 85-90.
9. Брюсов В. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. 1892 – 1909. М.: Худож. лит., 1973. 672 с.
10. Брюсов В.Я. Автобиография // Брюсов В.Я. Из моей жизни. М.: Терра, 1994.
11. Хмельницкая Т. Поэзия Андрея Белого // Белый А. Стихотворения и поэмы. 2-е изд. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. С. 5-66.
12. Младшая Эда. Л.: Наука, 1970. 178 с.
13. Гаспаров М.Л. Эпистолярное творчество В.Я. Брюсова // Литературное наследство. Т. 98. Кн. 1. Валерий Брюсов и его корреспонденты. М.: Наука, 1991. С. 12-29.
14. Протасова Н.В. Жанр поэтического послания в творчестве Валерия Брюсова. Автореф. дис. ... к. филол. н.. Ставрополь, 2001. 20 с.
15. Кихней Л.Г., Круглова Т.С. Коммуникативные стратегии Валерия Брюсова в поэтологическом диалоге с собратьями про перу // Брюсовские чтения 2013 года.

Ереван: Ереванский гос. ун-т им. В.Я. Брюсова, 2014. С. 294-306.

16. Кихней Л.Г., Ламзина А.В. Стихотворный диалог В. Брюсова и А. Белого: между текстом и жизнью // Язык и культура. 2022. № 60. С. 38-56.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «К коммуникативным стратегиям русского модернизма: стихотворная переписка В. Брюсова и А. Белого», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения особенностей развития русского модернизма в произведениях поэтов Серебряного века. Автор обращается к своеобразию жанра послания у символистов через призму их литературного быта на материале стихотворной переписки В. Брюсова и А. Белого. Данные произведения, называемые еще «Умственный поединок» (послания, которыми они обменивались) между Брюсовым и Белым, раскрывающие идеологическое и философско-этическое противостояние, демонстрирующие сложные взаимоотношения двух выдающихся поэтов, действительно актуальны и сегодня для изучения.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном литературоведении. Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что в вводной части слабо представлена разработанность заявленной проблематики в науке, что не позволяет в полной мере оценить авторскую новизну.

Кроме того, выводы, представленные в заключении статьи, не в полной мере отображают проведенное исследование. Выводы требуют усиления.

Библиография статьи насчитывает 16 источников, среди которых представлены научные труды исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к зарубежным трудам по схожей научной проблематике, несомненно, обогатило бы работу.

Большее количество ссылок на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации, несомненно, усилили бы теоретическую составляющую исследования.

Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников.

Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее

положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов литературоведению, отечественной филологии, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества, а также теории литературы. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «К коммуникативным стратегиям русского модернизма: стихотворная переписка В. Брюсова и А. Белого» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.